

©1991 г.

О.Т. МАНАЕВ

ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРЕССЫ БЕЛОРУССИИ

МАНАЕВ Олег Тимофеевич — доктор философских наук, руководитель проблемной лаборатории социологических исследований БГУ им. В.И. Ленина. Постоянный автор нашего журнала.

Альтернативная пресса является прямой наследницей самиздата — неподцензурной литературы, которая начала широко распространяться в СССР с конца 60-х годов. Вокруг периодических изданий типа «Хроника текущих событий», «Хроника защиты прав человека», «Поиски» и др. складывались группы единомышленников, объединяемых неприятием ценностей и целей тоталитаризма. Подготовка, распространение и даже хранение подобных изданий вплоть до конца 80-х годов (когда были смягчены соответствующие статьи УК) считались уголовно наказуемыми деяниями. Поэтому есть все основания говорить, что история политизированного самиздата практически совпадает с историей инакомыслия и правозащитного движения.

Его традиции были восприняты и продолжены неподцензурными изданиями, которые стали выходить в новых социально-политических условиях после апреля 1985 г. Периодичность их колеблется от ежедневного до ежегодного выпуска, объем одного номера — от нескольких машинописных страниц до нескольких печатных листов, тираж — от нескольких десятков до нескольких миллионов экземпляров (газета «СПИД-инфо» в 1990 г. выходила тиражом 2,5 млн. экз.). Большая их часть печатается на пишущих машинках и размножается на ксероксе; в последнее время чаще используется персональный компьютер с принтером, хотя в целом диапазон способов и средств изготовления очень широк — от печатания на фотобумаге до использования собственной типографии с суперсовременной лазерной техникой. Обычно они распространяются на митингах и демонстрациях, собраниях новых общественных организаций и объединений, в группах неформального общения, в подземных переходах, расклеиваются на заборах и зданиях, в некоторых регионах и городах их можно купить в киосках, а на некоторые даже подписаться.

В 1989 г. по инициативе выходящего в Москве журнала «Гласность» был создан независимый профсоюз журналистов, объединяющий сотрудников примерно 10-15% альтернативных изданий. В течение всего четырех лет — с 1987 по 1990 гг. — их число возросло почти в 100 раз и к 1991 г. составило не менее двух тысяч [1], а разовый тираж — нескольких миллионов экземпляров. Впрочем, бурный рост не свидетельствует о стабильности альтернативной прессы: например, в 1989 г. прекратило существование 30% изданий [2, с. 6].

По нашим оценкам, к началу 1991 г. ее аудитория составила около 10 млн. человек. Причем, по данным ВЦИОМ, она охватывает наиболее образованную часть населения страны [3].

Анализируя содержание публикаций альтернативной прессы, ее направленность, разные авторы предлагают разные классификации. Например, руководитель независимого Центра по изучению общественных движений (Москва) А. Суетнов выделяет три основные группы: общественно-политическую, религиозно-философскую и литературно-художественную. Первая группа, включающая в себя примерно три четверти всех альтернативных изданий, подразделяется им на демократическую, национальную и консервативную. Внутри демократической группы различаются: радикально-демократические или жестко оппозиционные («Экспресс-хроника», «Гласность», «Референдум», «Свободное слово»), либерально-демократические (напр., бюллетень Добровольного общества содействия перестройке в Аппатитах, председателем которого был А. Оболенский), социалистические («Марксист», «Община», «Диалог»), пацифистские («Вахта мира»), зеленые («Экологический вестник») издания. Внутри национальной группы также различаются издания нескольких направлений — от национально-демократического («Навіны Беларускага Народнага Фронта») до национал-шовинистских («Память», «Против установления дипломатических отношений с Израилем»). Среди консервативных изданий основными являются газеты и журналы неольшевистского, ортодоксально-коммунистического («Единство») и монархистского или "почвенного" («Престол») направлений. Среди религиозно-философских изданий, составляющих значительно меньшую группу, можно встретить газеты и журналы практически всех конфессий и нетрадиционных религий («Бюллетень христианской общественности», «Призыв», «Раса»). Особым авторитетом пользуется «Выбор» — журнал христианской культуры, продолжающий традиции серебряного века русской философии. Также сравнительно небольшую группу составляют литературно-художественные издания, которые в последнее время почти не развиваются, в худшей своей части оставаясь уделом графоманов, а в лучшей — пробиваясь в «большую» прессу или на Запад. Наиболее заметными из них являются «Митин журнал» (Ленинград) и «Эпсилон-салон» (Москва), появившиеся еще в 1985 г. [4].

Эта классификация хорошо показывает абсолютное доминирование в структуре альтернативной прессы политизированных изданий, однако в ней, при всей ее обоснованности, трудно расположить целый ряд изданий. Например, газеты и журналы молодежного (одних только независимых школьных газет издается не менее ста, столько же — рок-журналов) или женского (например, издающийся в Ленинграде феминистский журнал «Женское чтение») движений, по проблемам секса (их также десятки) или, например, газету Архангельского вещевого рынка «Барахолка». Очевидно, что все они, с точки зрения изложенной классификации, имеют меж- или кроссгрупповой характер. В подобную классификацию не вписывается также кооперативно-коммерческая пресса, получившая особенно бурное развитие после принятия Закона о печати и составляющая ныне примерно треть всех альтернативных изданий в стране. Вообще политизация альтернативной прессы (как и общества в целом), по нашему мнению, является закономерным и необходимым этапом перехода от тоталитаризма к демократии, но она не может быть доминирующей тенденцией ее дальнейшего развития, поскольку потребности и интересы новых социальных субъектов неизбежно выходят за рамки политики: в сферу бизнеса, культуры, семьи и т.п. И если альтернативная пресса не станет выражать эти многообразные интересы, она рискует утратить свою роль в становлении гражданского общества, в некотором смысле оказаться в том же положении, что и официальные СМИ.

Поэтому мы полагаем, что с точки зрения определения системообразующих признаков альтернативной прессы, резко отличающей ее от официаль-

ной, более важной является классификация по признаку отношения с новыми социальными субъектами. В этом плане ее можно разделить на два класса: издания, прямо или косвенно выражающие интересы и активность разнообразных партий, объединений, клубов и пр., сформировавшихся до возникновения этих изданий; издания, не идентифицирующие себя ни с одной из существующих организаций: они сами становятся новыми социальными субъектами или кристаллизуют их вокруг себя. Однако и в том, и в другом случае эти издания являются альтернативными по отношению к официальным СМИ и социально-политическим структурам. Данное основание деления дает возможность четко дифференцировать собственно альтернативную прессу от квазиальтернативной. Так, А. Суетнов, определяя альтернативную прессу по формальным — юридическим, финансовым, профессиональным и др. — признакам, признает, что подчас наличие всех этих признаков все же не позволяет отнести то или иное издание к альтернативному. В качестве примера он указывает на «Дискуссионный листок», издаваемый Зеленоградским РК КПСС в Москве: он также непрофессионален, имеет некоммерческий характер, не любит правительство, примитивен по полиграфии, но... [5]. Подобные квазиальтернативные издания стали появляться все чаще начиная с 1990 г., когда многие структуры власти начали активно создавать разнообразные совместные, акционерные и малые предприятия, кооперативы (в которых продолжают контролировать финансовые средства и руководящие посты), имитируя тем самым «переход к рыночной экономике». Конечно, этот новый для советского общества феномен не совпадает полностью с официальными СМИ, но рассматривать его в качестве альтернативной прессы нельзя.

Указанное основное отличие альтернативной прессы прекрасно осознается структурами власти. Вплоть до Закона о печати производство и распространение альтернативной прессы часто встречало многочисленные препятствия, включая применение насилия (конфискацию тиража, наложение штрафов на издателей и распространителей и пр.). Причем такие действия применялись не только по отношению к собственно антикоммунистическим, но и к неполитическим изданиям (под предлогом «защиты нравов», «борьбы со спекуляцией» и т.п.), поскольку их истинным мотивом была боязнь возникновения и развития именно новых социальных субъектов (ибо печать, понимаемая по-ленински, есть прежде всего «центр и основа политической организации» [6, с. 80]), представляющих собой зародыши, первоэлементы гражданского общества. Так, например, безрезультатными оказались попытки журнала «Выбор» установить диалог с издательским отделом Московской патриархии, громкий скандал партийная пресса во главе с «Правдой» пыталась раздуть вокруг газеты сексуальных меньшинств «Тема», дискредитируя тем самым зарегистрировавший ее демократический Моссовет (суд признал необоснованными выдвинутые против этой газеты обвинения). Такое же отношение к альтернативной прессе выражают и официальные СМИ (за исключением демократических изданий), справедливо усмотревшие в ней не просто конкурентов (появление новых официальных изданий никогда не воспринимается подобным образом), но субъектов принципиально новой системы массовой коммуникации, элементы информационного и гражданского общества. Квазиальтернативные издания подобной реакции, как правило, не вызывают.

Конечно, после принятия Закона о печати положение альтернативной прессы стало меняться. Часть ее — тиражом до 1 тысячи экземпляров — приобрела статус «легального самиздата» и имеет право издаваться без регистрации. Другая часть регистрируется, приобретая статус юридического лица. Третья, пожалуй, наиболее авторитетная и влиятельная (например, газеты «Экспресс-хроника», «Свободное слово», «Новая жизнь») принципиально не идет ни на какие компромиссы с властями, несмотря на угрозу применения экономи-

ческих санкций (так как по Закону о печати выпуск газеты без регистрации влечет за собой штраф до 1 тыс. руб.). Интересно, что большинство участников 3-й конференции Клуба независимой печати, состоявшейся в Москве в конце 1989 г., при обсуждении Закона о печати высказались против него, "требуя не закона, а свободы". По-видимому, все же большая часть альтернативной прессы будет пытаться зарегистрироваться в установленном законом порядке. Однако и тут ее ждут сюрпризы. Так, по Закону о печати, регистрация предоставляет изданию юридический статус, но не материально-техническую базу. Поскольку же подавляющее большинство альтернативных газет и журналов использовало не свою собственную базу (бумагу покупали через посредников, печаталось на множительной технике государственных учреждений и пр.), сама по себе регистрация не решает эту проблему. Чтобы издаваться легальным образом, редакция альтернативной газеты должна быть зарегистрирована в качестве предприятия, а в этом случае действует уже совсем другой Закон — О предприятии, в соответствии с которым, например, необходимо отчислять государству до 45% доходов. Кроме того, легальная возможность производственной деятельности в действительности оказывается чрезвычайно затруднительной. Если, например, официальная газета платит за тонну бумаги 800 руб., то альтернативной это обходится в 3-5 тысяч руб. То же самое относится и к оплате полиграфических услуг в партийных и государственных типографиях (если вообще удастся заключить с ними договор). Сегодня альтернативные издания могут заключать договора и с Союзпечатью о распространении своей продукции через киоски, но вынуждены платить за это 31% от дохода. Разумеется, подобные условия способны выполнять далеко не все альтернативные издания, оказываясь, таким образом, в заведомо неравных экономических условиях с официальной прессой.

Исследование альтернативной прессы Белоруссии

Осенью 1988 г. политическая обстановка в Белоруссии, особенно в Минске, стала очень напряженной. Возникли новые общественно-политические организации: Конфедерация белорусских молодежных объединений, историко-просветительское общество памяти жертв сталинизма «Мартиролог Белоруссии», оргкомитет Белорусского Народного Фронта, основными целями своей деятельности провозгласившие политическое, экономическое и духовное возрождение белорусского народа. Консервативное руководство республики развязало беспрецедентную травлю этих организаций и их лидеров: ложь, клевета, публичные доносы, искусно сфабрикованное "возмущение простых советских людей" широким потоком полились со страниц республиканских газет и массовых журналов [7]. Так, по данным контент-анализа сообщений республиканских газет периода «горячей осени»¹, свыше 70% публикаций, описывающих деятельность этих новых социальных субъектов, давали ей полностью или частично негативную оценку, 26,7% призывали к конфронтации с ними.

В условиях, когда голоса новых социальных субъектов практически не имели возможности самовыражения через официальные структуры и СМИ, альтернативная пресса не могла не появиться. И она появилась.

Уже в ноябре 25-тысячным тиражом вышел первый номер «Навін Беларускага Народнага Фронта», которые вот уже три года остаются наиболее авторитетным альтернативным изданием в республике. В декабре 4-тысячным тиражом вышел первый номер «Белорусской трибуны», ставшей самой популярной русскоязычной альтернативной газетой. Постоянная редакция и той, и другой газеты первоначально состояла из пяти человек (в основном непрофессионалов), которые готовили

¹ Под руководством автора было проведено контент-аналитическое исследование официальной прессы с помощью журналистов, обучающихся в Минской ВПШ. В процессе исследования анализировались все публикации (всего около 150) шести газет во всех номерах за период с 1 сентября по 1 декабря 1988 г., в том или ином плане описывающие деятельность новых социальных субъектов в республике.

до половины всех публикаций. Две трети авторских материалов поступает спонтанно, треть пишется по заказу. Ежемесячно редакции получают примерно сто писем (пятая часть которых — отклики на публикации), однако опубликовать могут лишь незначительную часть. Стоимость каждого выпуска составляет от 2 до 4 тысяч руб., прибыль (когда тиражи выросли соответственно до 30 и 10 тыс. экз.) — до 25%. В течение первого года печатались на ксероксе, затем типографским способом. Каждая из этих газет является типичной для описанных выше двух классов альтернативной прессы. «Навіны» — официальный орган БНФ, выражающий интересы и отстаивающий позиции членов и сторонников этого общественно-политического движения, члены руководства которого входят в состав редакции, а сам редактор избирается на съезде. «Белорусская трибуна» возникла по инициативе нескольких человек, представлявших молодежные объединения разного направления. Формирование политических позиций членов редакции и авторского актива происходило по мере выпуска газеты, которая быстро приобрела общедемократическую направленность радикального толка, а те, кто стоял на иных позициях, постепенно отошли от газеты. Осенью 1989 г. по инициативе «БТ» в республике было создано альтернативное информационное агентство «Белстар», обслуживающее и поддерживающее около десятка аналогичных изданий на русском языке. Агентство имеет общий денежный пай и общих спонсоров (в числе которых представители негосударственного сектора экономики). Его основные функции — сбор информации, подготовка, выпуск и распространение входящих в его состав изданий, а также благотворительная деятельность². В 1990 г. в республике выходило уже свыше 50 альтернативных газет и журналов [8]. По сравнению с другими регионами страны это не столь уж много (например, в Эстонии за три последние года стало выходить свыше 300 подобных изданий), что, на наш взгляд, объясняется прежде всего весьма специфическими отношениями, сложившимися у них с официальными СМИ и социально-политическими структурами.

Идентифицируя альтернативную прессу с издающими ее (или формирующимися вокруг нее) социальными субъектами, структуры власти реагируют на нее крайне негативно. На первом этапе ее развития администрацией и правоохранительными органами с ее активистами проводилась так называемая «индивидуальная работа», в результате которой один редактор — выпускник вуза — был распределен в отдаленный регион страны, другой — сотрудник академического института — уволен «по сокращению штатов» и т.п. Применялись и совершенно нетрадиционные методы. Так, 4 ноября 1990 г. в передаче Белорусского ТВ «Крок» заведующий экспедицией белорусской альтернативной прессы Е. Савенков сообщил, что в одном из районов Минска рэкетеры потребовали у распространителей альтернативной прессы круглую сумму за «эксплуатацию места» (использование газетного киоска) на «своей территории». Получив отказ, разгромили киоск и уничтожили все газеты. Попытки распространителей обратиться за помощью в местное отделение милиции остались без внимания.

На втором этапе, когда альтернативная пресса стала приобретать массовую аудиторию, особенно среди молодежи, последовала реакция уже на другом уровне. 31 марта 1989 г. Президиум Верховного Совета БССР принял Указ, квалифицирующий производство и распространение альтернативной прессы как административное правонарушение: «Распространение печатных изданий, изготовленных с нарушением установленного порядка... содержание которых направлено на причинение ущерба государственному и общественному порядку, правам и законным интересам граждан — влечет наложение штрафа в размере 50 руб. с конфискацией этих изданий». Причем наличие в этих изданиях подобного содержания определяет не суд или независимая экспертиза, а адми-

² Автор выражает искреннюю признательность редактору «Навін БНФ» Алесю Суше и редактору «Белорусской трибуны» Сергею Корсуну за обширную информацию и ценные замечания, полученные в процессе интервью.

нистративные комиссии при исполкомах местных Советов на основании протоколов, составленных работниками милиции [9]. И хотя этот законодательный акт в определенной мере вызвал у аудитории обратную реакцию, стимулировал интерес к альтернативной прессе, он, несомненно, осложнил ее деятельность. Из-за этого большая часть альтернативных изданий вынуждена печататься за пределами республики. Только в Минске на основании этого Указа в 1989 г. многократно оштрафовывались распространители, а сами издания конфисковывались. В этих условиях издатели и редакции нередко оказываются вынужденными обращаться к различным посредникам (имеющим доступ к бумаге, множительной технике и пр.), услуги которых порой приводят к моральным и материальным потерям (ситуация, аналогичная той, которая складывается в кооперативном движении). Органы власти, по существу провоцируя альтернативную прессу на подобные «издержки производства», используют их для ее дискредитации. Несмотря на многочисленные протесты, осенью 1989 г. этот Указ приобрел статус Закона и формально продолжает действовать даже сегодня, когда стал противоречить общесоюзному Закону о печати.

В борьбу с неожиданными конкурентами активно включились и официальные СМИ. Поразительно, что в ходе этой борьбы почти не используются собственно профессионально-журналистские критерии оценки. «Совокупность просмотренных материалов, — резюмировала анализ альтернативной прессы одна из официальных газет, — убеждает в стремлении их составителей и публикаторов накалить общественную атмосферу в республике, дезориентировать определенные слои населения непродуманными призывами и политически несостоятельными декларациями, осложнить поиск путей, ведущих к консолидации всех здоровых общественных сил на платформе перестройки» [10]. Только 16,2% материалов республиканских газет, описывающих деятельность новых социальных субъектов, рассматривают их программные положения (чаще всего — их действия и характеристики лидеров), причем каждый второй из них уделяет внимание положениям культурно-исторического характера, а не главным — политическим и экономическим. Иными словами, критика не только некорректна, но и неадекватна.

Как показало контент-аналитическое исследование самых крупных и авторитетных альтернативных газет Белоруссии³, в каждой четвертой публикации предметом являются программные положения новых социальных субъектов, в каждой десятой — их состав и структура. В качестве субъектов, выступающих инициаторами демократических социальных изменений (S_1), чаще всего выступают общественно-политические движения, объединения, клубы — свыше 80%, а также функциональные (участники митингов, демонстраций и т.п.) — 33,3%, территориальные (жители республики, города, района и т.д.) — 26,3%, национальные — 23,2%, классовые группы — 14%. Социальные институты в этом качестве почти не фигурируют (менее 5%). Они, как правило, описываются в роли субъектов, противодействующих демократическим социальным изменениям (S_2): это социально-экономическая и политическая система в целом — 33,6%, партийные — 26%, государственные — 20,5%, советские — 19,7%, правоохранительные органы разного уровня — 17,4%, а также официальные СМИ — 12,5% (в качестве S_1) они фигурируют лишь в 7,6% публикаций). В факторном анализе структуры жизненных ситуаций S_2 официальные СМИ вошли в фактор социальных институтов даже с большей нагрузкой, чем

³ Исследование проводилось под руководством автора в Социологическом научно-исследовательском центре БГУ. Методика, разработанная совместно с Н. Ефимовой, основывалась на ситуационном подходе, согласно которому основной единицей анализа образа жизни выступает жизненная ситуация (11). Объектом исследования были газеты «Навіны БНФ» (тираж 30 тыс. экз.), «Белорусская трибуна» (10 тыс. экз.) и «Студенческая мысль» (3 тыс. экз.). Анализировались все сообщения всех номеров этих газет за 1989 год: 15 номеров «Навін БНФ», 15 номеров «Белорусской трибуны», 10 номеров «Студенческой мысли», всего 660 сообщений.

Правоохранительные органы. На индивидуальном уровне в качестве S_1 чаще всего выступают представители гуманитарной — 25,5% и технической интеллигенции — около 10%, а также рабочие. В качестве S_2 — представители органов власти — около 20%.

Интересно, что контент-аналитическое исследование (проведенное по аналогичной методике и за тот же период) публикаций официальных молодежных СМИ Белоруссии, описывающих деятельность новых социальных субъектов⁴, выявило иную структуру как S_1 , так и S_2 . Так, на групповом уровне втрое реже, чем в публикациях альтернативной прессы, в качестве S_1 фигурируют национальные группы, в 15 раз реже — общественно-политические движения и объединения, зато в 6 раз чаще — профессиональные, и в 3 раза чаще — половозрастные группы. На индивидуальном уровне в качестве S_1 значительно реже выступают представители интеллигенции, зато в 7 раз чаще — военные, вдвое чаще — представители власти (а в качестве S_2 , наоборот, чаще фигурирует интеллигенция, но реже — представители власти). На институциональном уровне значительно реже фигурирует политическая система в целом, в 4 раза реже — партийные структуры. Все эти различия свидетельствуют о том, что официальные СМИ, в отличие от альтернативных, уже при описании структуры пытаются сблизить противостоящие социальные субъекты, интерпретировать инициаторов социальных изменений не как новых социальных субъектов, а как особые элементы традиционной социальной структуры.

Что же касается сферы образа жизни, то свыше 80% публикаций альтернативных газет описывают общественно-политическую сферу, из шести других, использованных в анализе, в какой-то мере представлены лишь культурная — 8,2% и трудовая сферы — 6,3%. Такая односторонность становится объяснимой, если учесть, что в сообщениях официальных СМИ общественно-политическую сферу описывает менее четверти публикаций о новых социальных субъектах — а ведь их деятельность разворачивается главным образом именно в этой сфере. Три четверти публикаций альтернативной прессы описывают жизненные ситуации в масштабе республики или же ее регионов, а свыше 20% — в более широком масштабе, что значительно превышает соответствующий показатель официальных СМИ, которые раскрывают проблемы преимущественно на уровне конкретных организаций и коллективов. Учитывая ярко выраженную политическую направленность альтернативных изданий, этот факт следует признать положительным, так как большая часть проблем такого рода могут быть решены только на региональном и общесоюзном уровне.

Контент-анализ выявил и некоторые специфические тенденции в развитии содержания альтернативных газет на протяжении года. Так, от номера к номеру все более выраженным становится принцип идентификации автора с описываемыми положительными (S_1) и дистанцирования от отрицательных (S_2) героев. Точно так же структура описываемых жизненных ситуаций становится все более контрастной: превалирующие поначалу нейтральные авторские оценки все чаще становятся положительными (по отношению к S_1) и, наоборот, отрицательными (по отношению к S_2); цель «изменить ситуацию частично» в действиях S_1 заменяется целью «изменить ситуацию полностью»; диалог, компромисс и другие средства достижения цели — давлением снизу (гражданским неповиновением, публичными массовыми акциями и пр.); модальность возможности — модальностью необходимости; либеральная позиция (интерпретируемая в данном случае как более умеренная, промежуточная между консервативной и демократической) — демократической; призывы к диалогу

⁴ Исследование проводилось под руководством автора тем же коллективом. Объектом исследования были две республиканские молодежные газеты «Знамя юности» (выходит на русском языке, тираж 700 тыс. экз.) и «Червоная змена» (выходит на белорусском языке, тираж 35 тыс. экз.), а также передачи молодежных редакций Белорусского радио и телевидения. На репрезентативной выработке проанализировано 1105 сообщений.

Сравнительная характеристика структуры жизненных ситуаций противостоящих социальных субъектов в публикациях альтернативной прессы, %

Структура жизненных ситуаций	Социальные субъекты	
	S ₁	S ₂
Оценка ситуации		
+	10,8	< 43,9
+–	13,5	9,6
–	67,7	> 38,5
0	8,0*	8,0
Цель деятельности		
сохранить ситуацию полностью	1,8	90,3
изменить ситуацию частично	26,7	> 6,5
изменить ситуацию полностью	71,5	3,2
Средство достижения цели		
давление сверху	0,9	82,4
диалог, компромисс	28,5	> 3,8
другие средства**	32,8	> 12,2
давление снизу	37,8	1,6
Модальность действий		
возможность	16,5	> 3,0
необходимость	83,5	97,0
Политическая позиция		
консервативная	0,7	93,9
либеральная	18,0	> 4,5
демократическая	81,3	1,6
Конструктивность отношения к сопернику		
сотрудничество	9,8	> 2,1
диалог	38,3	> 4,9
конфронтация	51,9	93,0
Результат оценки своих действий		
положительный	25,8	< 58,1
сбалансированный или нулевой	47,1	32,7
отрицательный	27,1	> 9,2

Примечания: знак > ставится только тогда, когда различия в структуре жизненных ситуаций не заданы с очевидностью самим характером субъекта (ясно, например, что по определению у S₁ будет доминировать цель «изменить ситуацию полностью», а у S₂ — «сохранить полностью»).

* В каждом столбике — 100%.

** Другие средства в арсенале S₁ — это, например, разработка программных документов, независимая экспертиза социальных проектов, сбор денежных средств и пр., а в арсенале S₂ — перенесение ответственности за нерешенные проблемы на S₁, клевета, провокации и пр.

с S₂ — призывами к открытой борьбе с ним. Причем эта тенденция характерна в основном для авторов S₁, а не для S₂, интерпретация жизненных ситуаций которыми была контрастной изначально.

Вообще образы социальных субъектов, противоречия и конфликты между которыми описываются на страницах альтернативной прессы, представляют особый интерес. Ведь от того, какими видят новые социальные субъекты самих себя и своих контрагентов, зависит не только тактика, но и стратегия их (политической прежде всего) деятельности (табл. 1).

Из таблицы видно, что S₁ в несколько раз чаще, чем S₂, ставит цель «изменить ситуацию частично», используя при этом средства, не связанные с прямым давлением; говорит о возможности, а не необходимости их применения; занимает либеральную, а не радикальную позицию; выражает стремление к сотрудничеству и диалогу со своим контрагентом. Иначе говоря, инициаторы демократических

социальных изменений на страницах альтернативной прессы предстают политически более гибкими, лояльными, чем противостоящие им социальные субъекты. Однако гораздо более отрицательная оценка результатов своих действий позволяет предположить, что подобная компромиссная установка все чаще будет сменяться непримиримостью, политическая гибкость — жесткостью. Собственно говоря, описанная выше тенденция развития содержания альтернативной прессы к контрастности подтверждает такой прогноз.

Ответ на вопрос о причинах столь различных позиций S_1 и S_2 дает, в частности, сравнение ценностных ориентаций, на основе которых они оценивают и интерпретируют жизненные ситуации. Система ценностных ориентаций (ЦО) S_1 оказывается гораздо более плюралистической, т.е. наполненной по всем своим элементам. В ней втрое чаще, чем у S_2 , представлены правовые ценности (в данном случае указываются лишь значимые, более чем в 5%, различия), в четыре раза — культурно-познавательные, в пять раз — национальные, в пятнадцать раз — личностные. Абсолютно доминирующее положение в системе ЦО S_2 занимают политические ценностные ориентации: 80,1% против 34,4% у S_1 (для удобства сравнения ЦО приведены к 100%, хотя в реальности они могли присутствовать в тексте одновременно). Таким образом, очевидно, что почти все социальные противоречия субъектом, сопротивляющимся социальным изменениям, рассматриваются через призму политики. Это значит, что его по-настоящему интересует и волнует только одно — сохранение и укрепление своей власти. Поэтому даже экологические, культурные, религиозные и национальные цели деятельности S_1 он воспринимает лишь как тактический маневр, вуалирующий, по его мнению, стремление к достижению той же цели — захвату власти.

Поразительно, что аналогичные различия в структуре описываемых жизненных ситуаций сохраняются даже тогда, когда в роли S_1 и S_2 выступают конкретные представители структур власти (партийные, советские, комсомольские работники, народные депутаты и др.). Опять-таки S_1 втрое чаще, чем S_2 , ставит цель «изменить ситуацию частично», используя при этом средства, не связанные с прямым давлением, чаще говорит о возможности, а не обязательности их применения, втрое чаще занимает либеральную позицию, в пять раз чаще выражает стремление к сотрудничеству и диалогу со своим контрагентом. Очевидно, что интерпретация альтернативной прессой конкретных представителей власти прямо зависит от того, выступают ли они в роли S_1 (8,4% всех публикаций) или S_2 (около 20% всех публикаций). Интересно, что часто в роли этих субъектов и в том, и в другом случае выступают одни и те же лица (чаще всех в подобной роли двуликого Януса выступает М.С. Горбачев)! Здесь важно даже не то, что противостоящие социальные субъекты стремятся апеллировать к этим лицам, как бы заручиться их поддержкой, а то, что эти лица дают для подобной двойной интерпретации вполне объективные основания.

Совсем иную картину выявил контент-анализ официальных СМИ (Табл. 2).

Из таблицы видно, что образ нового социального субъекта в интерпретации официальных СМИ уже не выглядит столь радикальным (что уже отмечалось при сравнительном анализе его социальной структуры). Он уже не так часто отрицательно оценивает окружающую действительность, вдвое реже выступает за ее кардинальное изменение, занимает в основном либеральную позицию, значительно чаще склонен к компромиссам со своим контрагентом и чаще выражает удовлетворенность результатами своих действий. В то же время в качестве средства реализации своих целей S_1 предпочитает «давление снизу», т.е. характеризуется ограниченной, невысокой политической культурой. Точно также — но в обратном направлении — «смягчен» и образ социального субъекта, противостоящего демократическим изменениям. Он значительно реже оценивает окружающую действительность положительно (т.е. более

**Сравнительная характеристика структуры жизненных ситуаций
противостоящих социальных субъектов в публикациях официальных СМИ, %**

Структура жизненных ситуаций*	Социальные субъекты	
	S ₁	S ₂
Оценка ситуации		
+	12,4	≈ 17,0
+-	27,0	21,3
-	50,4	27,5
0	10,2	< 34,2
Цель деятельности		
сохранить ситуацию полностью	6,4	31,0
изменить ситуацию частично	58,5	49,4
изменить ситуацию полностью	35,1	19,6
Средство достижения цели		
давление сверху	5,8	61,5
диалог, компромисс	9,4	≈ 5,1
другие средства	25,4	18,8
давление снизу	59,5	14,5
Политическая позиция		
консервативная	5,1	52,0
либеральная	73,8	39,4
демократическая	21,1	8,6
Конструктивность отношения к сопернику		
сотрудничество	50,0	≈ 45,8
диалог	28,5	≈ 28,1
конфронтация	21,5	26,1
Результат оценки своих действий		
положительный	45,5	58,5
сбалансированный или нулевой	30,3	17,8
отрицательный	24,2	≈ 23,7

* Признак «модальность действий» не использовался в анализе по техническим причинам.

адекватно), предпочитая вообще не высказывать своих оценок прямо; ориентируется главным образом на ее частичное изменение; чаще занимает либеральную позицию; готов к сотрудничеству со своим контрагентом; чаще выражает неудовлетворенность результатами своих действий (т.е. достаточно самокритичен). Интересно, что и S2 в качестве средства достижения своих целей использует «давление снизу», т.е. не чужд «работы в массах». Что же касается ценностных ориентацией противостоящих социальных субъектов, то в публикациях официальных СМИ у S1, в пять раз реже фиксируются политические ЦО в четыре раза реже — национальные (но чаще — морально-этические), а у S2 в десять раз (!) реже фиксируются политические ЦО, зато в четыре раза чаще — экономические и в 15 раз (!) — личные. Совершенно очевидно, что официальные СМИ стремятся как бы «соединить» противостоящие социальные субъекты, убедить свою аудиторию в том, что противоречия между ними не столь уж антагонистичны и возникают, по существу, между «своими». Иными словами, официальные СМИ продолжают — вслед за высшим политическим руководством страны — интерпретировать перестройку не как демонтаж существующей системы, а как ее частичное изменение и совершенствование.

Проведенный нами анализ ясно показывает, что развитие альтернативной прессы как по форме, так и по содержанию существенно отличается от развития официальных СМИ. Поэтому, в частности, оценка ее эффективности с технологической и профессиональной точки зрения (тиража, качества полиграфии, объема редакционной почты, стиля публикаций и пр.) в тех условиях в которых она реально существует, не может быть адекватной. В профес-

сионально-технологической системе координат она неизбежно (в большинстве случаев) проигрывает официальным СМИ и потому нередко вызывает к себе презрительное отношение. Вопрос, однако, заключается в том, кто из них в большей мере стимулирует развитие гражданского общества? Хотя, как мы полагаем, на уровне эмпирического анализа ответ уже ясен, для его прояснения обратимся к теории.

Альтернативная пресса как фактор развития гражданского общества

Как известно, массовая коммуникация представляет собой процесс взаимодействия социальных субъектов, осуществляемый посредством обмена (производства, распространения, потребления) массовой информацией. Иначе говоря, это процесс характеризующий гражданское общество в гегелевском его понимании — как публичную сферу частных интересов. Однако в течение долгого времени в нашей стране такого общества попросту не было: ни индивид, ни семья, ни какая-либо социальная, национальная или территориальная общность не могли выступать в качестве социального субъекта, так как не располагали для этого ни политической, ни экономической независимостью. Строго говоря, в качестве социального субъекта выступало только государство. Конечно, интенция разнообразных социальных субъектов советского общества никогда не исчезала полностью, существовала в скрытом виде и иногда «прорывалась» в форме социального или национального конфликта, деятельности диссидентов и т.д., но это было скорее исключением из правил функционирования тоталитарной системы, чем ее правилом. В этих условиях печать и другие средства массовой информации, рассматривающиеся в качестве инструмента партийной политики, по определению становятся средством десубъективации, т.е. лишения качества субъектности всех социальных субъектов, противостоящих или даже просто не совпадающих с субъектом власти. Логика тоталитарной модели массовой коммуникации, в соответствии с которой последняя интерпретируется как пропаганда, пропаганда — как управление, управление — как подавление, включая насилие, — неизбежно привела к тому, что и сами СМИ утратили качества субъектности, превратившись в один из важнейших институтов тоталитаризма [12].

Становление субъектности, публичной сферы общества возможно лишь посредством изменения социальных, политических и экономических структур, принципов их функционирования. Такие изменения уже налицо. По официальным данным, например, в феврале 1991 г. в негосударственном кооперативном секторе экономики СССР было занято свыше 5 млн. человек, действовало около 20 всесоюзных (некоторые из них насчитывали по 20—30 тысяч человек) и 500 республиканских политических партий, 10 тысяч политклубов и организаций местного значения [13]. Выразителем интересов этих организаций и групп стало лишь небольшое количество официальных СМИ, их подлинным выразителем стала именно альтернативная пресса, поскольку изначально была ориентирована на: а) личностную самореализацию и социальную идентификацию различных социальных субъектов; б) обеспечение взаимосвязи и взаимодействия этих субъектов друг с другом. Реализация данных социальных функций посредством производства, распространения и потребления массовой информации и составляет, на наш взгляд, сущность современной альтернативной прессы. Выступая средством субъективации социальной жизни (т.е. наделяя качеством субъектности тех, кто раньше был объектом или «агентом» системы), альтернативная пресса стимулирует развитие разнообразных социальных субъектов, тем самым стимулируя и возникновение гражданского общества. По этому критерию нынешнюю структуру прессы в нашей стране можно представить следующим образом: а) традиционная официальная (выражающая интересы

Системы); б) альтернативная (противостоящая Системе); в) квазиальтернативная (альтернативная по форме, но официальная по существу — источникам финансирования, руководству и пр.); г) нетрадиционная официальная (выражающая интересы новых, демократических структур власти).

Хотя удельный вес альтернативной прессы в этой структуре пока несоизмерим с традиционной официальной, сегодня речь идет уже о тысячах изданиях и миллионах читателей, причем ее влияние постоянно возрастает. Теоретически можно выделить по меньшей мере четыре основные формы этого влияния: а) переход аудиторией от официальной прессы к альтернативной; б) вынужденная демократизация содержания и принципов деятельности официальной прессы; в) детоталитаризация общественного сознания (главными элементами которого в нашем обществе являются: эгалитаризм, коллективизм, этатизм, мессинизм и изоляционизм); г) политизация социальной деятельности (т.е. более активное и сознательное участие граждан в политическом процессе). Совокупным эффектом этого влияния, несомненно, является разрушение тоталитаризма — как на уровне социальной структуры, так и на уровне общественного сознания.

Говоря о перспективах развития альтернативной прессы, можно с определенной уверенностью предположить, что оно будет расширяться и углубляться, так как число новых социальных субъектов в советском обществе постоянно возрастает, и десубъективировать их вновь вряд ли возможно.

Качественная определенность альтернативной прессы, по-видимому, будет меняться. Оставшиеся в процессе конкурентной борьбы издания станут профессиональными, а их экономические возможности в условиях политической независимости станут превосходить возможности официальной прессы (которая до сих пор почти всю свою прибыль вынуждена перечислять в бюджет органов партийно-государственной власти). С другой стороны, многие из официальных изданий, получив политическую независимость, станут фактически альтернативными. В процессе такого сближения возникнут новые формы их взаимодействия, вызванные, в частности, сопротивлением Системы, не заинтересованной, разумеется, ни в профессионализации альтернативной прессы, ни в альтернативизации официальной. Одним из первых прецедентов такого взаимодействия стал круглый стол руководителей демократических изданий (как официальных, так и альтернативных), проведенный в марте 1991 г. по инициативе газеты «Московские новости», участники которого в качестве средств укрепления совместных позиций назвали недопущение попыток приостановить действие Закона о печати, создание независимого Союза журналистов, организацию фонда, банка или акционерного общества, гарантирующего их независимость [14]. В то же время, внутри самой альтернативной прессы возникают и определенные противоречия, например, противоречие между основными направлениями поиска новых моделей массовой коммуникации: одна из них тяготеет к традициям дореволюционной российской культуры, другая — к современным западным образцам.

По-видимому, в условиях подлинной демократии разделение прессы на официальную и альтернативную (во всяком случае, в том значении, в каком она рассматривается сегодня) вообще потеряет смысл: она станет нормальной прессой в нормальном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Справочник периодического самиздата. Вып. II. М.: «Из глубин», 1991.
2. Справочник периодического самиздата. Вып. I. М.: «Из глубин», 1990.
3. Гудков Л. Комментарий социолога // Лит. обозрение, 1990, N 1.
4. Суетное А. Самиздат глазами библиографа // Solanus vol. 4, 1990.
5. Самиздат. Библиографический листок, 1991, N 43.
6. Ленин В.И. Полн. соб. соч. Т. 44.
7. Неформальные объединения в политической жизни республики. Мн.: Изд-во ЦК КПБ, 1990.

8. Белорусская трибуна. N 2. 1990.
9. Советская Белоруссия. 15 апреля 1989.
10. Вечерний Минск. 26 апреля. 1989.
11. Дридзе Т.М. Категория «образ жизни» в исследовании динамики социалистического общества и культуры // Образ жизни в условиях социализма. М.: Наука, 1984.
12. Манаев О.Т. Теоретические истоки тоталитарной модели массовой коммуникации // Философская и социологическая мысль, 1991, N 1.
13. Комсомольская правда. 28 февраля. 1991.
14. Московские новости, N 10, 1991.